архіи. Мысль для обывательской психологіи очень соблазнительная, но глубоко ошибочная.

Прежде всего она требуетъ основной «карловацкой» предпосылки: Московская патріархія плѣнена, т. е. изъята изъ жизни, ея нѣтъ, а тамъ, гдѣ слышится ея голосъ, онъ ей не принадлежитъ. Всдѣдъ за Московской патріархіей въ такомъ же положеніи находится и вся русская церковь.

Изъ этой предпосылки можно сдѣлать только одинъ выводъ: стало быть, надо думать не объ устройствѣ только зарубежной церкви, а объ устройствѣ вообще всей русской церкви. Такъ какъ этого нельзя сдѣлать въ Россіи, то достигнуть этого надо за-границей. А отсюда само собой вытекаетъ и послѣднее слово всей «карловацкой» мудрости — мы и должны явиться главой этой новой организаціи русской православной церкви на весь періодъ большевистскаго существованія.

Повторяю, если встать на эту позицію, то тогда надо до основанія разрушить всю ту работу, которая была произведена, т. е. вновь превратиться въ «церковную пыль».

Есть, какъ будто, другой исходъ, тоже «любезный» обывателю, въ большинствѣ своемъ боящемуся всякаго безпокойства и затрудненія: уйти «подъ Константинопольскаго патріарха». Въ этомъ случаѣ можно наблюдать одно очень странное явленіе. Говорящій такъ, всегда очень обижается, если въ отвѣтъ на его предложеніе, ему ставятъ вопросъ: а почему же до сихъ поръ вы не приняли какого-либо иностраннаго подданства? Онъ возмущенно отвѣчаетъ, что никогда не порветъ съ Россіей. Такъ вотъ, порвать съ Россіей и стать иностранцымъ подданнымъ — недопустимо, а порвать съ московской патріархіей и уйти подъ юрисдикцію вселенскаго патріарха — совсѣмъ легко.

Однимъ словомъ — «какъ ни кинь, все

Другіе поступаютъ проще. Они заявляютъ, что зарубежная церковь порвала всякія сношенія съ Московской патріархіей, и изъ этого заявленія дѣлаютъ соотвѣтствующій выводъ, что **въ глазахъ зарубежной церкви ослабленная и сильно дезорганизованная патріархія не имѣетъ никакой цѣны.** И этотъ аргументъ говоритъ о томъ, какъ противники Московской патріархіи склонны использовать въ своихъ цѣляхъ то или другое отношеніе зарубежной церкви къ патріархіи.

Такъ надаетъ нѣкогда излюбленный аргументъ «карловцевъ» о томъ, что зарубежной церкви надо совершенно оторваться отъ Московской патріархіи во имя блага самой патріархіи.

И вотъ, послѣ всего сказаннаго, встаетъ основной вопросъ: что же, существуетъ опасность для западно - европейской епархіи, что она, по своему почину, пойдетъ на такой разрывъ, если постановленіе епископскаго совѣщанія не будетъ имѣть успѣха въ Москвѣ.

Судя по тому настроенію, которое пришлось наблюдать на первомъ засѣданіи епархіальнаго съѣзда, приходится отвѣтить — да, существуетъ.

Это существованіе и является сейчасъ самой большой опасностью, которая стоитъ передъ нами. Ее надо предвидѣть, о ней надо думать, къ ней надо готовиться. Какъ въ жизни отдѣльныхъ людей, такъ и въ жизни людскихъ объединеній бываютъ шаги, которые могутъ быть названы смертельными, потому что благодаря имъ гибнутъ корни органической жизни. Послѣдствія такихъ шаговъ сказываются не скоро, но ихъ разрушительный процессъ идетъ безостановочно и неуклонно.

Такимъ шагомъ для западно - европейской епархіи и явится отрывъ отъ Московской патріархіи.

И. Демидовъ.

Языкъ законовъ

Подсекція матеріалистической лингвистики Комакадеміи, изучивъ вопросъ о языкѣ законовъ, пришла къ выводу, что въ законахъ СССР не должно быть никакихъ бюрократическихъ, никчемныхъ, запутанныхъ, тяжеловѣсныхъ формулировокъ и что языкъ большинства современныхъ законовъ не понятенъ трудящимся массамъ. По мнѣнію подсекціи, для улучшенія языка законовъ необходимо организовать консультаціи по языку, курсы и семинаріи для работниковъ, вѣдающихъ оформленіемъ и выпускомъ законовъ, а также принять рядъ другихъ мѣръ. («Из.»).

Общежитія для студентовъ

Совнаркомъ РСФСР издалъ постановленіе, въ которомъ требуетъ отъ всѣхъ вѣдомствъ и мѣстныхъ исполкомовъ «подъ личную отвѣтственность ихъ руководителей» обезпечить во что бы то ни стало общежитіями вновь принимаемыхъ студентовъ вузовъ и техникумовъ. На наркомпроса Бубнова возложена обязанность наблюденія за всей работой по подготовкѣ къ пріему учащихся въ Вузы. Бубнову предписано дѣлать совнаркому доклады каждые 10 дней. («Изв.», 4 іюля).

XVI съѣздъ ВКП

Докладъ Орджоникидзе

Орджоникидзе прочелъ докладъ о результатахъ чистки. Изъ числа провѣренныхъ полутора милліоновъ коммунистовъ исключено 130 тыс. или около 10 проц. партійнаго состава. **Касаясь заграничнаго торговаго аппарата, докладчикъ призналъ, что «въ немъ существуетъ рядъ прорѣхъ, которымъ хозяйствующія за-границей организаціи не удѣляли достаточнаго вниманія». Орджоникидзе настаивалъ на необходимости «насытить заграничный аппаратъ лучшими закаленными и стойкими рабочими, способными устоять противъ соблазновъ буржуазной «культуры».**

Догадовъ

Догадовъ, недавно снятый съ поста секретаря **ВЦСПС** при попыткѣ объяснить съѣзду, что онъ непричастенъ къ правому уклону, засыпанъ былъ вопросами сталинскаго актива и требованіями покаяться въ своихъ заблужденіяхъ. Его рѣчь прерывалась постоянными возгласами съ мѣстъ: «а ты противъ рѣшенія ЦК шелъ», «рѣшенія ЦК срывалъ», «надо по-честному здѣсь говорить». Лишь съ большимъ трудомъ Догадову удалось закончить свою рѣчь.

(«Правда» и «Изв.», 4 іюля).

НОЧНОЙ ТЕЛЕФОНЪ «ПОСЛ. НОВ.» ПОСЛѢ 9 Ч. ВЕЧ. ПРОВАНСЪ: 57-47.

находился «при смерти». Его живучесть поражала не только другихъ, но и его самого. Самъ врачъ, онъ отлично зналъ, что жизнь его является вызовомъ медицинѣ. «Я живу только темпераментомъ», — часто говорилъ Д. С. И въ этой трагической шуткѣ была извѣстная доля правды. Покойный, дѣйствительно, былъ человѣкомъ необычайно пылкаго темперамента, которымъ густо окрашена была какъ его общественно - политическая, такъ и литературная дѣятельность.

Въ молодые годы, Д. С. Пасманикъ отдалъ дань революціоннымъ увлеченіямъ — это было такъ естественно при его натурѣ — и продѣлалъ эмигрантскій стажъ. Вернувшись въ Россію, онъ въ предреволюціонную эпоху примкнулъ къ кадетской партіи и сталъ однимъ изъ ея видныхъ провинціальныхъ дѣятелей (работа покойнаго протекала, главнымъ образомъ, въ Крыму). Особой популярностью пользовался Д. С. въ качествѣ еврейскаго общественнаго работника. Онъ былъ виднымъ сіонистскимъ дѣятелемъ въ Россіи, былъ въ числѣ основателей «Еврейской жизни», переименованной затѣмъ въ «Разсвѣтъ». Въ теченіе ряда лѣтъ состоялъ активнымъ сотрудникомъ этого журнала.

Революція не могла не вызвать серьезной психологической эволюціи у такого эмоціональнаго человѣка, какъ Д. С. Пасманикъ. Онъ былъ въ числѣ горячихъ сторонниковъ добровольческаго движенія, а послѣ бѣгства за-границу примкнулъ, какъ извѣстно, къ лагерю приверженцевъ «бѣлаго» дѣла.

Въ послѣдніе годы Д. С. отошелъ отъ активнаго участія въ политической работѣ. Въ виду ухудшившагося состоянія здоровья, онъ долженъ былъ переселиться на югъ Франціи.

слова, систематически отравлявшій свой крѣпкій организмъ кофе и табакомъ, онъ продолжалъ энергично работать, горячо защищая словомъ и перомъ то, что онъ считалъ правдой. До послѣднихъ дней онъ сотрудничалъ въ разныхъ русскихъ и еврейскихъ періодическихъ изданіяхъ и за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти выпустилъ въ свѣтъ, на французскомъ языкѣ, книгу «Что такое юдаизмъ». Можетъ быть, именно въ пылкости темперамента Д. С. Пасманика слѣдуетъ искать объясненія тѣмъ шатаніямъ, которыми отмѣчена была его общественно-политическая дѣятельность.

М. Бенедиктовъ.

Вѣсти отовсюду

— Въ Афинахъ состоялась демонстрація протеста противъ повышенія платы за проѣздъ въ трамваяхъ и автобусахъ. Демонстранты разнесли въ щепы нѣсколько трамвайныхъ вагоновъ.

— Папа Пій XI уѣзжаетъ въ свое имѣніе въ Кастель-Гандольфо.

— Въ Тетуанѣ умеръ старикъ еврей, Мозесъ Бенатаръ, 110 лѣтъ, оставивъ 175 дѣтей, внуковъ и правнуковъ.

— По даннымъ, опубликованнымъ департаментомъ соціальнаго обезпеченія въ Нью-Іоркѣ, въ городѣ насчитывается до 2000 профессіональныхъ нищихъ. Въ теченіе года они собираютъ, въ общемъ, около 10 милліоновъ долларовъ.

— Муниципальный совѣтъ Карлсруэ рѣшилъ, въ ознаменованіе эвакуаціи рейнскихъ провинцій, присвоить главной городской площади имя Штреземана.

— Ген. Даусъ вернулся изъ С. Ш. въ Лондонъ.

Мелитонъ

Были свѣтлыя майскія сумерки, я ѣхалъ верхомъ по нашему Заказу. Лошадь шла узкой дорогой среди свѣжей поросли осинъ и орѣшника. Кругомъ все было молодо, зелено, соловьи нѣжно и отчетливо выщелкивали по сторонамъ, перекликались другъ съ другомъ. Уже давно сѣло солнце, но лѣсъ не успѣлъ еще стихнуть: горлинки журчали гдѣ-то вблизи, кукушка куковала въ отдаленьи... Въ майскія ночи сонъ слабъ и недологъ, до разсвѣта брезжитъ, заря зарю встрѣчаетъ.

Я выѣхалъ къ полянѣ, гдѣ стояла караулка. Въ лощинѣ за поляной лежалъ большой, полноводный прудъ. Надъ прудомъ, надъ столѣтними березами и дубами, окружавшими его, слабо означался блѣдный и прозрачный кругъ мѣсяца. А возлѣ пруда, на пнѣ, сидѣлъ Мелитонъ и кидалъ сухіе прутья въ жаркій и проворный костерчикъ, разведенный въ земляной печуркѣ подъ котелкомъ, висѣвшимъ въ ней. Какъ всегда, очень чисты были его заплатанные портки и рубаха, ладно подвязаны онучи. Онъ сидѣлъ, поставивъ на колѣни локти, положивъ лицо въ ладони, смотрѣлъ на огонь, а самъ напѣвалъ что-то тихимъ и тонкимъ, совсѣмъ женскимъ голосомъ.

— Ай карасиковъ наловилъ, Мелитонъ? — спросилъ я, соскакивая съ лошади.

Онъ поднялся, вытянулся во весь ростъ, съ той особой выправкой, что присуща была когда то только николаевскимъ служакамъ, и тотчасъ принялъ безстрастное выраженіе, какъ бы стараясь скрыть постоянную печаль своихъ блѣдно - бирюзовыхъ глазъ. Росту онъ былъ высокаго, тѣломъ худъ и костлявъ. Сѣрыя густыя брови и такія же усы, на щекахъ сходившіеся со щетинистыми баками, придавали ему видъ суровый, но лысина, эти бирюзовые глаза и чистая крестьянская рубаха, свидѣтельствующая о готовности лечь «подъ святые» когда угодно, говорили о кроткой, отшельнической жизни.

Когда картошка въ чугунчикѣ стала кипѣть и бурлить, онъ потыкалъ въ нихъ щепочкой и снялъ чугунчикъ съ огня. Огонь сталъ потухать, — только красная грудка жара еще свѣтилась въ землянкѣ. Возлѣ нея пахло сгорѣвшей дубовой листвой, а когда старикъ сталъ чистить картошки, запахло такъ вкусно, что я попросилъ и себѣ парочку. И мы молча стали ужинать возлѣ неподвижнаго стемнѣвшаго пруда, въ тишинѣ и сумракѣ все еще негаснущей весенней зари. Закатъ за деревьями вправо алѣлъ нѣжно и тонко, и казалось, что тамъ уже разсвѣтаетъ.

— Мелитонъ, — спросилъ я съ юношеской простодушностью: — правда, тебя сквозь строй прогоняли?

— Правда, - съ, — отвѣтилъ онъ просто и кратко.

— А за что?

— А, конечно, за глупость, за провинности...

Онъ ушелъ въ избу, и я долго сидѣлъ одинъ, глядя въ тлѣющіе угли. Появился онъ изъ сумрака неслышно и принесъ съ собой еще одинъ ломоть ржаного хлѣба, ножикъ, сдѣланный изъ старой косы, и горсть крупной соли. Ласково и нервно виляя хвостомъ, прибѣжалъ за нимъ Крутикъ, маленькій веселый, но отчаянно злой, несмотря на свою веселость. Онъ тоже сѣлъ возлѣ печки, съ удовольствіемъ зѣвнулъ, облизнулся и сталъ слѣдить глазами за каждымъ движеніемъ Мелитона, круто солившаго хлѣбъ. Соловьи попрежнему пѣли страстно и звонко, нѣжно и удало.

— Вѣдь ты совсѣмъ одинокій? — спросилъ я.

— Совсѣмъ-съ. Была жена, да ужъ такъ давно, что и не вспомнишь.

— А дѣти?

— Были и дѣти-съ, да ихъ тоже Богъ прибралъ въ свое время...

И онъ опять замолчалъ, со старческой неспѣшностью прожевывая хлѣбъ. Я вглядывался въ движенія его морщинистыхъ щекъ, въ его опущенныя вѣки, стараясь проникнуть въ тайну его печальной молчаливости. Онъ кротко и безпомощно взглянулъ на меня, — я отвернулся. Было мнѣ тогда двадцать лѣтъ, все умиляло меня: лѣсъ, небо, караулка, пучки какихъ - то травъ и вѣничковъ въ ея сѣнцахъ подъ крышей, межъ сухой листвы рѣшетника... На ногахъ Мелитона лыковые лапти, думалъ я, на тѣлѣ замашная рубаха... Какъ это чудесно — жить такой чистой, простой, бѣдной жизнью! И эти вѣнички — для кого онъ собираетъ, вяжетъ ихъ? Вѣнички еще болѣе тронули меня, и я сказалъ, подымаясь:

— Совсѣмъ у тебя скитъ, Мелитонъ!

Онъ ласково и грустно улыбнулся:

— Въ скиту часовенки бываютъ-съ, — сказалъ онъ, бросая корку Крутику, и залилъ водой изъ чугунчика угли.

Они зашипѣли и померкли. И тотчасъ же стало видно, что въ лѣсу уже свѣтлая лунная ночь, что поляна освѣщена сіяющимъ мѣсяцемъ, что чащи лѣса почернѣли и отдѣлились отъ нея. Крутикъ, какъ только поужиналъ коркой, тотчасъ же принялся за свое ночное дѣло. Онъ съ звонкимъ лаемъ хлопоталъ то тамъ, то здѣсь за караулкой, и было похоже, будто весь лѣсъ полонъ злыми и неугомонными собачонками. Мелитонъ зажегъ въ избѣ лампу, настилая мнѣ на коникѣ сѣна, — оконечки подъ ея старой нахлобученной крышей засіяли, какъ два золотые глаза. Потомъ онъ вынесъ лампу въ сѣнцы. Я пошелъ туда, и онъ опять улыбнулся мнѣ.

— А то вотъ-съ на коечку ложитесь, — сказалъ онъ, кивая на свою кровать.

Въ углу возлѣ входа было устроено нѣчто въ родѣ койки на высокихъ ножкахъ изъ березовыхъ полѣньевъ. На ней было тоже настлано сѣно, прикрытое попоной и возвышавшееся къ изголовью.

— Да какой теперь сонъ, — сказалъ я: — скоро ужъ и свѣтать станетъ.

— Скоро-съ, — согласился Мелитонъ безстрастно.

И правда, мы только подремали. Въ темной избѣ было тихо, пріятно, въ оконечки влипѣлись зеленоватые кусочки лунной ночи. Но что то не давало мнѣ спать: достаточно было тонкаго напѣва комара, чтобы очнуться. Я слушалъ Крутика, соловьевъ, думалъ о чемъ-то, чего не вспомнишь, какъ всегда въ безсонную ночь... Не спалъ и Мелитонъ. Его донимали блохи.

— Ну, ужъ погоди, погоди, отучу я тебя спать подъ койкой! — бормоталъ онъ нарѣдка, разумѣя Крутика.

Потомъ онъ кашлялъ, вздыхалъ, шепталъ что-то... Наконецъ, я услыхалъ его шаги подъ окнами. Я высунулся изъ окна на прохладу ночного воздуха. Мелитонъ меня не замѣчалъ. Онъ сидѣлъ на порогѣ, опустивъ голову, не спѣша растиралъ на ладони листовой табакъ и опять напѣвалъ грустнымъ женскимъ голосомъ.

— Ахъ, Господи - Батюшка! — прошепталъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, покачивая головой и высѣкая огонь. И, закуривъ трубку, оперся на руку и запѣлъ внятнѣй, задушевнѣй.

Слышно было, что разсказывалъ онъ въ пѣснѣ про какіе то зеленые сады, съ добрымъ укоромъ напоминалъ кому - то тѣ мѣста, гдѣ «кончалась - распрощалась ахъ да прежняя любовь...». Ночь сіяла. Мѣсяцъ выбрался на самую середину неба, сталъ надъ самымъ прудомъ. Изрѣдка по водѣ что то струисто поблескивало, точно тамъ вился серебристый ужъ. У противоположнаго берега воды какъ будто не было. Тамъ была свѣтлая бездна въ другое, подземное небо. Вѣковые дубы и березы на томъ берегу казались теперь выше, стройнѣе, чѣмъ днемъ. Но еще лучше былъ тотъ лѣсъ, который, вверхъ корнями, темнѣлъ подъ берегомъ, уходя въ эту бездну вершинами. А вдали, за лѣсомъ, небо ужъ стало стеклянно-зеленое, тамъ, въ поляхъ, начали свѣжо и отчетливо бить перепела... Я закрылъ глаза. Когда же очнулся, былъ уже день. Прудъ весь дымился, поляна посѣрѣла отъ крупной росы, лѣсъ, похолодѣвшій, свѣжій, какъ будто еще подвинулся, стоялъ вокругъ пруда. А потомъ въ окна потянуло влажнымъ вѣтромъ, въ прудѣ заквакали лягушки, и пѣтухъ, сильно и вызывно захлопавъ крыльями, заоралъ въ сѣнцахъ хриплымъ басомъ. Мелитонъ, согнувшись, шелъ къ избѣ отъ пруда съ полнымъ, тяжелымъ ведромъ, изъ котораго плескалась вода, и оставлялъ за собой длинный ярко - зеленый слѣдъ по сѣдой травѣ...

Въ послѣдній разъ навѣстилъ я Мелитона какъ-то прошлой зимой. Помню, день былъ хмурый, туманный, густой иней парасталъ на деревьяхъ. Я ѣздилъ на станцію за почтой, потомъ, выѣхавъ со станціи уже въ сумерки, перевалилъ съ ея двора черезъ сугробъ на выѣздъ въ поле, рѣшилъ свернуть къ Заказу. Быстро темнѣло. Лошадь моя отъ инея вся посѣрѣла и закудрявилась, рѣсницы и усы у меня вскорѣ стали такими-же. Въ полѣ сперва ничего нельзя было разглядѣть даже въ двухъ шагахъ — только сѣрая, дикая мгла. Но вотъ въ этой мглѣ стало свѣтлѣть и свѣтлѣть. Пробиваясь сквозь нее маленькимъ шаромъ, сталъ подыматься вдали большой мѣсяцъ, пополамъ перерѣзанный длинной лиловатой тучкой. Подымаясь, онъ оставилъ эту тучку ниже себя, а самъ становился все ярче, золотистѣй. Когда же я подъѣхалъ къ Заказу, въѣхалъ въ тѣнь, далеко лежавшую отъ него по полю и испещренную узорами свѣта, все уже блистало въ поляхъ и въ Заказѣ какъ бы въ нѣкоемъ сказочномъ царствѣ. А потомъ дивной красной звѣздой засвѣтился огонекъ въ караулкѣ и по всему чуткому морозному лѣсу пошелъ звонкій разбѣгающійся по чащамъ лай Крутика.

У дубка передъ караулкой я привязалъ лошадь. Съ дубка бенгальскимъ огнемъ посыпался иней. Я постоялъ и послушалъ глубокую тишину лѣса, потомъ осторожно подошелъ къ завалинкѣ караулки и заглянулъ въ полузамерзшее окно. И глухая, отшельническая жизнь старика снова поразила меня своей святой суровостью. Въ глубинѣ слабо освѣщенной, до черна закопченной избы онъ стоялъ передъ темной иконой въ углу и, закрывъ глаза, кланялся ей то до земли, то въ поясъ. Видно было, что онъ только что выкупался, — рѣдкіе волосы его были мокры и причесаны, подбородокъ чисто пробритъ, длинная бѣлая рубаха распоясана. Порой онъ закидывалъ голову назадъ и долго, долго стоялъ такъ съ закатившимися подъ лобъ глазами...

Говорилъ онъ въ тотъ вечеръ опять мало, былъ особенно тихъ и ласковъ. Въ избѣ было тепло и сыро, какъ въ банѣ, я скинулъ шубу и сидѣлъ на лавкѣ. А онъ тянулся, стоялъ передо мною, отвѣчалъ не спѣша и все опускалъ вѣки. Наконецъ, уже собираясь уѣзжать, я какъ будто мимоходомъ спросилъ:

— Мелитонъ, отчего ты всегда такой скучный?

Онъ удивился:

— Я - съ? — спросилъ онъ растерянно. — Я ничего - съ... Извѣстно, старость...

— Или горе у тебя какое — сказалъ я, глядя ему въ глаза.

— Избави Богъ-съ: — сказалъ онъ поспѣшно. — Я караулю-съ...

— Да нѣтъ, я не про то, — сказалъ я, смутившись. — Я такъ спросилъ...

Онъ понялъ, успокоился и нѣжно улыбнулся, прикрывая глаза:

— А я думалъ, обида какая-съ — сказалъ онъ. — А что я невеселый, такъ какое же мнѣ теперь веселье? Да и грѣховъ слишкомъ много-съ.

— Какіе же у тебя грѣхи, Мелитонъ!

— Грѣхи-съ у всякаго есть, — сказалъ онъ серьезно. — На то и живемъ-съ, чтобы за грѣхи каяться.

— Да ты и то какъ святой живешь. Ты вонъ постишься цѣлый вѣкъ.

Онъ опять удивился и даже слегка нахмурился.

— Ѣмъ-съ, какъ всѣ, — сказалъ онъ скороговоркой. — Ѣдятъ и хуже моего, да и то не гнѣвятъ Бога жалобой.

— Ну, коли такъ, будь здоровъ, до свиданія, — сказалъ я, надѣвая шубу, подымаясь и отворяя дверь на морозный воздухъ лунной ночи.

Морозило крѣпко, и Большая Медвѣдица бриллiантами висѣла по небу надъ снѣжной поляной. Мелитонъ безъ шапки и въ одной рубахѣ стоялъ на порогѣ.

— Прощай, Мелитонъ, — сказалъ я, садясь въ сани. — Иди въ избу, простудишься.

— Никакъ нѣтъ, — отвѣтилъ онъ. — Счастливой дороги-съ...

Лошадь въ свѣтломъ полѣ бѣжала шибко и бодро, полозья пѣли и визжали, вѣтерокъ обжигалъ лицо, сковывалъ усы, рѣсницы. Я отвертывался отъ него, прикрываясь пахучимъ на морозѣ енотовымъ воротникомъ.

Ив. Бунинъ.

1900 - 1930 г.